

Е.А. Гришина
(Москва)

Частица *вот*: варианты, используемые в непринужденной речи*

0. Введение

Известно, что в русской устной речи некоторые частотные неизменяемые слова существуют в нескольких вариантах. Это, прежде всего, полные и апокопированные формы (*чтобы/чтоб, прямо/прямо, же/ж*), полные и стяженные варианты (*сейчас/щас*), варианты с отсечением конечного согласного (*щас/ща, вот/во, нет/не*) и некоторые другие.

Естественным образом возникает вопрос, являются ли эти варианты полностью тождественными семантически, или различиям в означаемом соответствуют различия в означаемом? Похоже, что единообразия здесь нет. С одной стороны, варианты *нет/не/не̄* (с долгим гласным)/ *не^a* (с твердым приступом после гласной) используются в одном и том же наборе контекстов (во всяком случае, на первый взгляд). С другой стороны, существуют контексты, в которых некоторые пары, например, *прямо/прямо*, демонстрируют неравноценность компонентов (в частности, ироническое несогласие в форме *Ну прямо!* более предпочтительно, чем в форме *Ну прямо!*). Для некоторых пар существует даже запрет на использование одного из вариантов в определенном типе контекстов (например, в конструкции 'клятва / проклятье' возможен только вариант *чтоб*: **Чтобы я / ты сдох!*).

Возникает вопрос, как трактовать неравноценные варианты такого рода. Отношения между ними похожи на отношения между словоформами одной и той же лексемы, когда одна из словоформ с разной степенью жесткости закреплена за тем или иным значением (= набором возможных контекстов). Однако странно говорить о разных словоформах по отношению к неизменяемым единицам. Определенное сходство существует между этими парами-тройками-четверками и однокоренными паронимами, например, *воскресенье / воскресенье*, где в качестве названия дня недели возможен только пароним *воскресенье*, а в качестве названия действия — оба члена пары. Но опять-таки, возможно ли говорить об однокоренной

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 06-06-80133-а, а также при поддержке программы Российской академии наук «Филология и информатика».

паронимии в том случае, когда единицы не включены в регулярную систему словообразования (с помощью приставок и суффиксов)?

При разборе способов реализации частицы *вот* в непринужденной речи мы приняли решение называть аналогичные единицы **вариантами** некоторой прототипической единицы. В случае же, если обнаруживаются контексты, в которых некоторые варианты возможны, а некоторые нет, следует, вероятно, говорить о *лексикализованных вариантах*. Можно было бы в случае наличия непересекающихся или частично пересекающихся множеств контекстов говорить и об отдельных лексемах, но, как представляется, формулировка «лексикализованный вариант» позволяет сохранить идею этимологической связи, существующей между вариантом и соответствующей прототипической единицей.

Таким образом, в предложенной системе терминов отношения, например, между элементами четверки *сейчас/щас* (символизирует все степени стяжения исходного *сейчас*)/ *ща/щаз^b* выглядят, на первый взгляд, следующим образом. *Сейчас*, естественно, — прототипическая единица для остальных элементов. Стяженное *щас*, по-видимому, должно считаться вариантом *сейчас*, поскольку контексты его употребления полностью совпадают с контекстами употребления *сейчас*. Следует обратить внимание, однако, на то, что в ситуации иронического отказа / отрицания гораздо предпочтительней звучит *щас*: *Ну щас (спешу и падаю)! vs. [?]Ну сейчас (спешу и падаю)!* В связи с этим, вероятно, *щас* следует считать лексикализованным вариантом прототипического варианта *сейчас*. Вариант *ща* возможен во всех типах контекстов, в которых возможны *сейчас/щас*, но в ситуации иронического отказа / отрицания он так же более предпочтителен по сравнению с *сейчас*, как и *щас*. В этой ситуации можно было бы считать *ща* лексикализованным вариантом *сейчас*, наравне с *щас*, однако этимологически, по-видимому, *ща* восходит не непосредственно к *сейчас*, а к *щас* (здесь имеет место такое же усечение конечной согласной, как в *во* или *не¹*). Поэтому, по-видимому, разумней считать *ща* лексикализованным вариантом *щас*, а *щас*, соответственно, — прототипическим вариантом по отношению к *ща*. Таким образом, у *ща* обнаруживается два прототипических варианта. Что касается варианта *щаз^b*, то он, судя по всему, употребляется только в ситуации иронического отказа / отрицания, множество контекстов его употребления не пересекается с множеством контекстов употребления *сейчас* (т.е. по отношению к *сейчас* *щаз^b* — лексикализованный вариант) и является подмножеством контекстов употребления *щас/ща*. Но поскольку этимологически *щаз^b*, по-видимому, восходит к *щас*, а не к *ща* (гиперкорректное *з^b*, вероятно, передает посредством звонкости интенсивность иронии, практически уже сарказм при отрицании / отказе), то *щаз^b* логичней считать лексикализованным вариантом именно *щас*.

С аналогичной точки зрения в данной статье будут проанализированы варианты частицы *вот*, а именно: *во/о/от*², используемые в непринужденной русской речи³.

1. Соотношение *вот* и вариантов *во/о*

В задачи статьи не входит полное исчисление текстовых функций и значений частицы *вот* и ее вариантов. В свете изложенного во Введении нам показалось достаточным обозначить и проиллюстрировать узловые точки, где возможности использования частицы *вот* и ее вариантов различаются, и попытаться объяснить, почему это происходит. Представляется, что такое изложение прольет достаточный свет на семантические, прагматические и стилистические особенности непринужденных вариантов *вот*⁴.

1.1. Компоненты ситуации указания

Поскольку прототипическая частица *вот* — указательная, то для описания ее функционирования в речи существенными являются параметры, связанные с 1) ситуацией — объектом указания, 2) аудиторией указания, которая в нормальном случае совпадает со слушающим.

1.2. Расхождения, связанные с объектом указания

1.2.1. Внеположенность объекта указания. Объект указания в случае использования вариантов *во/о* внеположен фразе, содержащей эти варианты, — т.е. находится вне фразы и до нее уже существует как нечто, на что может быть указано. Прототипическая частица *вот* может указывать как на внеположенный (осуществленный) объект, так и на объект, находящийся внутри фразы. Для иллюстрации этого утверждения можно привлечь три типа контекстов.

1.2.1.1. Лексикализация эмфазы. О явлении лексикализации эмфазы нам уже приходилось писать (см. Гришина 2007) в связи с частицей *-то* и конструкцией *что ... что ли*, обрамляющей рему. Эти единицы, разумеется, имеют самостоятельное значение, но сверхзадача их функционирования в речи их собственной семантикой не исчерпывается — они прежде всего должны рассматриваться как единицы, которые облегчают слушающему вычленение и, соответственно, восприятие эмфазы разного рода (контрастивной, рематической и др.) в речи говорящего.

Этот тип использования частицы *вот* описан в словаре (Ушаков 1935) следующим образом: «ВОТ... 5. Ставится рядом с тем словом, на которое падает логическое ударение, для большего его выделения (разг.)»⁵. В этом случае *вот* остается безударным и чаще всего (но не в обязательном порядке) следует за интонационно выделенным словом (при этом

интонационно выделенное слово обычно занимает первое место во фразе, а частица *вот*, соответственно, второе):

- (1) *Кварти'рку вот / совсем не убираете* (Владимир Меньшов, Виталий Москаленко, Андрей Самсонов, «Ширли-мырли», к/ф, 1995).
- (2) *Вот вы'вези нас отсюда / а мы тебе ку* (Георгий Данелия, Реваз Габриадзе, «Кин-дза-дза», к/ф, 1986).

Вот в такого рода контекстах является абсолютно факультативным и без всякого ущерба для смысла может быть опущено:

- (1а) *Кварти'рку / совсем не убираете.*
- (2а) *Вы'вези нас отсюда / а мы тебе ку.*

Объектом указания для *вот* в ситуации лексикализации эмфазы является интонационно выделенное слово, а не некий объект указания, существующий вне фразы. **Как следствие, *вот* в этой конструкции не может быть заменено на *во!о*:**

- (1б) **Кварти'рку во!о / совсем не убираете^б.*
- (2б) **Во!о вы'вези нас отсюда / а мы тебе ку.*

1.2.1.2. Двойное указание. Следующим типом контекстов, в которых сфера действия *вот* не выходит за пределы фразы, является конструкция «двойного указания»: «ВОТ... б. В сочетании с последующими или предшествующими указательными местоимениями... усиливает их указательное значение (причем ударение падает на местоим. или нареч., а *вот* произносится без ударения)...» (Ушаков 1935)⁷, т.е. фраза включает дейксис, который указывает на некоторый внешний (лежащий за пределами данной фразы) объект, а перед этим дейксисом располагается частица *вот*, которая, в свою очередь, указывает на этот дейксис: *вот*_(внутренний дейксис) → *внешний дейксис*↑.

В зависимости от типа внешнего дейксиса двойные указания распределяются на несколько групп: ***идентифицирующие*** (ответ на вопросы кто? что? в именительном и косвенных падежах), ***квалифицирующие*** (как? какой?), ***пространственно-временные*** (где? куда? когда?), ***имплицитурные*** (почему?):

- (4) *А какой размер вот э'той решетки?* («Разговоры в хозяйственном магазине», РРР: 1973).

- (5) *А как **вот** тако'й интересный рисунок получается / как-то наискосок?* (Разговор о знакомых, 2005.08).
- (6) *Кругленькая шейка / и **вот** здесь бантик* («Беседа о шитье и здоровье», Материалы Саратовского университета, 1975).
- (7) *Я **вот** потому' пришла Зоеньке сказать* («Беседа об одежде и здоровье», Материалы Саратовского университета, 1975).

В конструкции двойного указания ударение падает на тот элемент, который содержит внешний дейксис, а внутренний дейксис *вот* всегда остается безударным. Внешние дейксисты (*этот, тот, здесь, так, такой, тут, там, сюда, туда, тогда, потому* и др.) содержат две важные смысловые составляющие: собственно указание (указательный речевой жест) и квалификацию типа указания — идентифицирующее, квалифицирующее, пространственно-временное, имплицатурное указание и т.д. Именно поэтому поддержка дейктического компонента внешнего дейксиса с помощью дополнительного внутреннего дейксиса *вот* «удваивает» дейктический потенциал всей конструкции и тем самым усиливает его. Как следствие, конструкции с двойным указанием приобретают либо контрастивное значение, либо эмфазу более общего свойства, либо конкретизируются (например, происходит локализация точки внутри более широкого пространственного ареала) по сравнению с конструкциями с одинарным указанием:

(4а) *А какой размер этой решетки?*

(ба) *Кругленькая шейка / и здесь бантик⁸.*

Поскольку *вот* в двойных указаниях является внутрифразовым дейксисом (объект указания для *вот* — внешний дейксис, а не внеположенный фразе объект), то замена *вот* на *во/о* в такого рода контекстах невозможна:

(4б) **А какой размер **во/о** этой решетки?*

(5а) **А как **во/о** такой интересный рисунок получается / как-то наискосок?*

(6б) **Кругленькая шейка / и **во/о** здесь бантик.*

(7а) **Я **во/о** потому пришла Зоеньке сказать.*

Необходимо отметить следующий факт. Во фразах с идентифицирующим или пространственным двойным указанием один из элементов — внут-

ренный дейксис *вот* или внешний дейксис (местоимение / местоименное наречие) — может быть эллиптирован:

- (12) а) **Вот** _{<здесь>} клубничка (Владимир Меньшов, Валентин Черных, «Москва слезам не верит», к/ф, 1979) ≈ б) **Вот** *здесь* клубничка ≈ в) _{<Вот>} *Здесь* клубничка⁹.

В ситуации предупомянутости, т.е. в тех случаях, когда в предшествующем данной фразе контексте речь шла о внешнем объекте указания (в примере (12) — *клубничка*), *вот* при опущенном внешнем дейксисе (в примере (12) — *здесь*) попадает под фразовое ударение:

- (12а) <Где клубничка?> **Вот**[↓] _{<здесь>} клубничка¹⁰.

Но наличие фразового ударения не приводит к возможности замены *вот* на *во/о*, поскольку *вот* в данном случае по-прежнему отсылает к внешнему дейксису (хотя и эллиптированному), а не к внеположенному фразе объекту указания:

- (13) **Вот**[↓] _{<здесь>} или _{<это>} вам ихняя амуниция / товарищ помкомзвода / и попрошу назначить занятия по уставу (Станислав Ростоцкий, Борис Васильев «А зори здесь тихие», к/ф, 1972) vs. ***Во/о**[↓] вам ихняя амуниция / товарищ помкомзвода...
- (14) [достаёт деньги] **Вот**[↓] _{<здесь>} или _{<это>} тебе на первое время (Алексей Балабанов, «Брат», к/ф, 1997). vs. [достаёт деньги] ***Во/о**[↓] тебе на первое время.
- (16) **Вот**[↓] _{<здесь>} моя планета ... двести сорок семь в тентуре [показывает плату со звездной картой] галактика бета в спирали (Георгий Данелия, Реваз Габриадзе, «Кин-дза-дза», к/ф, 1986). vs. ***Во/о**[↓] моя планета...¹¹

1.2.1.3. Инвертированная идентификация. Третьим типом контекстов, которые демонстрируют невозможность замены *вот* на *во/о* в связи с тем, что *вот* не относится к внеположенному объекту, являются конструкции, которые можно назвать *инвертированной идентификацией*. Эти конструкции производны от стандартных идентификаций, типа *Убийца*_[тема] — *это Петров*_[рема] (Николаева 1985 / 2004: 64): производность заключается в вынесении ремы на первое место во фразе при автоматической замене связки *это* на связку *вот* (кто): *Петров*_[рема] — *вот* <кто> *убийца*_[тема]. В инвертированных идентификациях связочный комплекс, включающий *вот*, указывает на подлежащее / рему, т.е. на

единицу, которая является не внеположенным фразе объектом, а членом предложения. Тем самым сфера действия *во* в данном случае ограничена пределами включающей *во* фразы. Замена *во* на *во/о* в инвертированных идентификациях невозможна:

- (17) *Синематограф*_[рема] — **во** тот мессия / который способен изменить все_[тема] (Алла Сурикова, Эдуард Акопов, «Человек с бульвара Капуцинов», к/ф, 1987) vs. **Синематограф* — **во/о** тот мессия / который способен изменить все.

Таким образом, приведенные в разд. 1.2.1.1-1.2.1.3 конструкции показывают, что объект указания для *во/о* должен быть объективирован вне фразы, содержащей эти варианты частицы *во*, или, иными словами, объект указания в случае использования *во/о* не может быть внутрифразовым: по отношению к фразе с *во/о* объект указания — не становящийся, а уже состоявшийся, объективно существующий вовне. Это ограничение не действует в случае прототипической частицы *во*, которая может относиться как к внеположенному, так и к внутрифразовому объекту.

1.2.2. Реальность объекта указания. С внеположенностью, объективированностью объекта указания для *во/о* естественным образом связана такая его характеристика, как реальность, осуществленность, в противоположность ирреальности, потенциальности. Проиллюстрировать это свойство объекта указания можно с помощью конструкций, которые далее будут именоваться *контрастивными демонстративами*.

1.2.2.1. Контрастивные демонстративы. Контрастивными демонстративами (КД) мы называем конструкции следующей структуры: *Во* + вопросительное местоимение / наречие + предикация Р. В самом первом приближении значение этой конструкции можно описать следующим образом: 'Говорящий считает, что слушающий представляет себе способ осуществления действия Р определенным образом; говорящий полагает, что это представление слушающего неточно или неверно; говорящий демонстрирует слушающему правильный способ осуществления Р, указывая на него'. КД могут быть пространственными (примеры (18)-(19)), квалифицирующими (примеры (20)-(22)), идентифицирующими (23), имплицатурными (24):

- (18) **Во'т где встретились!** (Александр Митга, Юлий Дунский, Валерий Фрид, Б. Уриновский, «Экипаж», к/ф, 1979); **Во/о где встретились!**

- (19) *Во'т ты до чего докатился / Борщев* (Георгий Данелия, Александр Бородинский, «Афоня», к/ф, 1975); *Во'ло ты до чего докатился / Борщев*.
- (20) *А детские / отделения / было в военном доме / под аптекой. ... там детей клали чтобы / так шуму не было. И когда вот это было сильное потрясение [т.е. сотрясение] / так все дети с этих палатев / все поскакали. Во'т какое было совпадение [т.е. попадание] («Воспоминания о прошлом бывших работниц “Трехгорки”, Москва», см. Китайгородская & Розанова: 1999); Во'ло какое было совпадение.*
- (21) *А мне на твое прощание / дорогой гостеночек / во'т как наплевать [показывает] (Искра Бабич, Валентин Михайлов, «Мужики», к/ф, 1981); ...во'ло как наплевать.*
- (22) [Илья / Николай Рыбников] [играет в шашки] *Так / так и так* [заканчивает партию] [Филия / Станислав Хитров] *Погоди / постой / как же это...*[Алеша / Алексей Крыченков] [Филе] *О' как мы вас!* (Юрий Чулюкин, Борис Бедный, «Девчата», к/ф, 1961); *Вот/во как мы вас!*
- (23) *Во'т/во'ло кто убийца — Петров!*
- (24) *Во'т почему здесь наблюдается некоторый регресс на фоне общего прогресса / Ваше Высочество* (Леонид Квинихидзе, Нина Фомина, «31 июня», к/ф, 1978).

Этот способ употребления частицы *вот* описан в словаре (Ушаков 1935) следующим образом: «ВОТ... 7. В сочетании с последующими вопросительными местоим. ... придает им смысл указания на что-н., находящееся перед глазами или непосредственно последующее или предшествующее (причем ударение падает на *вот*, а местоим. и нареч. произносятся без ударения)...». Частица *вот* и вопросительное местоимение в КД не могут быть эллиптированы («опущение *вот* превращает предложение в вопрос» (Ли 1994: 9); также не может быть эллиптирован вопросительный элемент, поскольку такой эллипсис разрушит вопрос, которым задаются говорящий или слушающий в отношении предикации P^{12}).

Как видно из приведенных примеров (18)-(23), в КД допускаются все три рассматриваемых варианта частицы *вот* (об имплицатурных КД типа (24) см. ниже).

1.2.2.2. Катафорические КД. КД в принципе могут быть левориентированными (анафорическими) и правоориентированными (катафорическими), т.е. объектом, указанием на который говорящий полемизи-

рует с представлениями слушающего о предикации Р, может как уже находиться в предшествующей, так и возникнуть в последующей конситуации. Стандартно КД являются анафорическими, но в речи встречаются типовые случаи использования катафорических КД. Это прежде всего т.н. «открывающий метатекст», т.е. фразы, которыми говорящий предвещает некоторое важное, с его точки зрения, высказывание. Стандартным открывающим метатекстом является фраза <Так> *вот что я тебе сейчас скажу* и ее варианты. Ввиду высокой частотности этой фразы она подверглась в устной речи глубокому эллипсису и в результате практически превратилась в две метатекстовые формулы: *Так вот* и *Вот что*¹³.

(25) ***Вот что / я спать хочу*** (Праздная беседа, Москва).

(26) *Ну так вот* [далее следует рассказ] (Телефонный разговор с подругой, 2005.11).

В качестве метатекстового КД также часто используется фраза, которую можно назвать «повествовательной». В полном варианте она имеет вид *вот что* + предикат, который описывает событие в самом общем плане (*случилось, произошло*):

(27) ***Вот что случилось. Вот что произошло.***

В реальной устной речи она эллиптируется до варианта *вот* (часто с межфразовыми скрепами *и, так, ну*):

(28) ***Вот*** <что случилось> / *раздается телефонный звонок / папа мой носит по кухне / бесится / потом садится на стул и начинает разговор со мной* (Рассказ о приезде брата, 2005.07).

1.2.2.3. Материал показывает, что в катафорических КД замена *вот* на варианты *во/о* невозможна. Метатекстовые формулы, построенные как катафорические КД с какими-либо скрепами в начале (типа *так вот, ну так вот, и вот*), для демонстрации невозможности такой замены не вполне подходят, поскольку свой вклад в эту невозможность вносят и сами скрепы (см. об этом разд. 1.2.4). Однако невозможность замены такого рода хорошо показывает формула *вот что*:

(25а) ****Во/о что / я спать хочу.***

Интересно, что повествовательная формула (27) в варианте *Вот* <что случилось> может иметь как анафорическое, так и катафорическое значение, т.е. подчеркнутое этой формулой событие может осуществляться / описываться как в предшествующей, так и в последующей конси-

туации. В случае же замены *вот* на *во/о* повествовательная формула может относиться только к предшествующей конситуации. Таким образом, *во/о* в примере (28а) может только подытоживать предшествующую ситуацию, а не вводить ситуацию, изложенную в правом контексте:

(28а) ***Во/о*** // *Раздается телефонный звонок / папа мой носится по кухне / бесится / потом садится на стул и начинает разговор со мной.*

В тех случаях, когда метатекстовая формула изначально левоориентирована и при этом не имеет в начале никаких скреп, замена *вот* на *во/о* происходит легко и естественно. Это заметно, например, по такой широко распространенной формуле завершающего метатекста, как

(29) ***Вот как! Во как! О как!***¹⁴

Невозможность замены *вот* на *во/о* в катафорических КД может объясняться только тем, что объект указания для *во/о* к моменту использования этих вариантов уже должен иметь место. Это хорошо увязывается с тем фактом, что объект указания для *во/о* к моменту осуществления самого указания уже существует вне данной фразы, т.е. внеположен ей. Что касается прототипической частицы *вот*, то она может иметь как анафорическую, так и катафорическую референцию, таким образом, объект указания посредством *вот* может быть как реальным, так и потенциальным. Для *во/о* реальность, осуществленность объекта обязательна.

1.2.3. Предметность объекта указания. Контрастивные демонстративы (КД) — тип контекстов, который помогает прояснить еще одно свойство объекта указания при использовании вариантов *во/о*. Это свойство — предметность, в противоположность абстрактности, принадлежности к ментальной сфере. Таким свойством объекта указания хорошо объясняется невозможность использования вариантов *во/о* в имплицатурных КД:

(24а) ****Во/о почему*** здесь наблюдается некоторый регресс на фоне общего прогресса / *Ваше Высочество.*

Это касается КД с любым имплицатурным вводом (*вот почему, вот из-за чего, вот благодаря чему* и т.д.).

Таким образом, объект, введенный с помощью *во/о*, — овеществлен, опредмечен, если угодно, — нагляден. Понятно, что совокупность причин некоторой предикации Р в принципе не может быть представлена как объект, обладающий предметностью. Для объекта, введенного с помощью *вот*, описанное ограничение не действует — *вот* с равным успехом указывает как на предметные, так и на ментальные объекты.

1.2.4. Синхронность объекта указания. При использовании вариантов *во/о* объект указания воспринимается как синхронный акту указания. О том, что объект указания при использовании вариантов *во/о* не может быть отнесен в будущее, мы уже говорили в разд. 1.2.2.3. Однако он не может существенно отдаляться от акта указания и в прошлое. При этом следует отметить, что под прошлым имеется в виду не ситуация, описанная с помощью грамматического прошедшего времени, поскольку в случае указания с помощью *во* любое сколь угодно отдаленное прошлое представляется как находящееся перед глазами (ср. *Вот/во/о как выглядел доисторический человек*). Речь поэтому идет не о грамматическом времени, а о прагматическом. В частности, отстоящим от данного акта указания в прагматическом смысле можно считать случай, когда данный акт указания является цитатой или повтором этого же акта указания, имевшего место раньше. Что имеется в виду?

Возьмем КД (23) и введем в него межфразовые скрепы *да/так/ах*:

(23а) *Так вот кто убийца! Ах вот кто убийца! Да вот кто убийца!*

Во всех трех случаях КД *во* *кто убийца* не является исходным: если описывать ситуацию в общих чертах, то в первых двух случаях (*Так...* и *Ах...*) акт указания является цитатой чьего-то чужого акта указания, который уже имел место раньше (т.е. кто-то уже сказал: *Вот кто убийца!*, а говорящий лишь процитировал: *Так вот кто убийца!*). В третьем случае (*Да...*) говорящий повторяет свой собственный акт указания, который уже имел место в прошлом, но по какой-то причине не был воспринят слушающим. Так или иначе, реальный акт указания, введенный с помощью *так вот кто...*, *ах вот кто...*, *да вот кто...*, не является исходным, соответственно, исходный акт указания и, следовательно, объект этого исходного акта указания реально имели место в прошлом.

Соединение КД, введенных с помощью *во/о*, с такого рода межфразовыми скрепами невозможно:

(23б) **Так во/о кто убийца! *Ах во/о кто убийца! *Да во/о убийца!*

Это позволяет нам говорить о том, что объект указания в случае использования *во/о* прагматически синхронен акту указания.

Заметим, что соединение *во/о* и с другими скрепами, например, *а*, *и*, *но*, тоже невозможно. Эта невозможность, однако, объясняется прежде всего тем, что такие скрепы вводят в основном катафорические КД (см. разд. 1.2.2.2), и, соответственно, невозможность их присоединения к *во/о* объясняется в том числе и потенциальностью введенного таким образом объекта¹⁵.

1.2.4.1. Оценочные предикации. Для иллюстрации такого свойства объекта указания для вариантов *во/о*, как его синхронность акту речи, следует привлечь еще одну конструкцию, в которой *во/о* употребляются достаточно широко (но которая допускает и вариант *вот*). Эту конструкцию мы назвали оценочной предикацией (ОП). Она имеет следующую структуру: *Вот* + факультативные вопросительные местоимения + предикат Р. В первом приближении значение ОП таково: «Указывая на некоторое событие с помощью предиката Р, говорящий сообщает слушателю свою оценку этого события».

Примеры ОП:

- (32) **Вот** <как> *здорово!* («Домашние разговоры», Москва, РРР: 1973).
- (33) **Вот** <какой> *молодец / хороший мальчик* («Разговоры с животными», Китайгородская & Розанова: 1999).
- (34) **Вот** <какая> *халявищица / У всех всё спрашивает / сама ничего не делает* («Беседа об Интернете», Материалы Саратовского университета, 1990-1999).
- (35) [Федор / Михаил Морозов] *Андрей Сергееч! Банка ваша застряла / так я... я ее ка... камушком...* [Иван / Виктор Костецкий] **Во** <какой> *молодец* (Виктор Сергеев, Игорь Агеев, «Гений», к/ф, 1991).
- (36) [Голубев] *Целый месяц в школу не будет ходить!* **Во** <как> *повезло* (Ролан Быков, Семен Лунгин, Илья Нусинов, «Внимание! Черепаха», к/ф, 1970).
- (37) **О** <какой> *дурак / я тебя сейчас добыю!* (Микродиалоги в магазине одежды, 2005.11).
- (38) [Антонина / Раиса Рязанова] *Ну чего ты испугался-то? Это маска из клубники / для цвета лица! Понял?* [Николай / Борис Сморгачев] **Во** <что> *придумали!* (Владимир Меньшов, Виктор Черных, «Москва слезам не верит», к/ф, 1979).
- (39) [Полотер / Владимир Басов] *Прилег на скамеечке вздремнуть / просыпаюсь / часов нет / пальто свистнули. Драповое!* **О** <какой> *сюжет / а? Сюжет / да?* (Георгий Данелия, Геннадий Шпаликов, «Я шагаю по Москве», к/ф, 1963).

Варианты с местоимением на поверхностном уровне:

- (40) [Мишка / Яков Степанов] *Смотри налево. Гаврилов! Во какая харя* (Юрий Мамин, Владимир Вардунас, «Праздник Нептуна», к/ф, 1987).
- (41) (Полотер / Владимир Басов) *О какие мы хорошие / добрые!* (Георгий Данелия, Геннадий Шпаликов, «Я шагаю по Москве», к/ф, 1963).

Обратим внимание, что — при использовании вопросительных местоимений на поверхностном уровне — ОП синтаксически совпадают с КД¹⁶.

Различить случаи, когда фразы структуры «Вот + как / какой + Р» используются в качестве КД, а когда в качестве ОП, можно, используя контрольные подстановки: в ОП *вот/во/о как/какой* могут быть заменены на *ну (и)* (в случае предиката, выраженного существительным / глаголом) и на *что за* (в случае предиката, выраженного существительным)¹⁷, а в случае КД такая замена неуместна:

(40а) *Смотри налево. Гаврилов! Ну (и) харя / Что за харя.*

(20а) *И когда вот это было сильное потрясение [т.е. сотрясение] / так все дети с этих палатев / все поскакали. *Ну было и совпадение / *Что было за совпадение [т.е. попадание].*

Такого рода перифразы встречаются и в текстах:

- (42) [Флим / Николай Караченцов] *Ну дурак-то / ну дурак! Во дурак!* (Марк Захаров, Григорий Горин, «Дом, который построил Свифт», к/ф, 1983).

Разницу между КД и ОП можно в общих чертах сформулировать следующим образом: КД сообщают **объективную** информацию о **способе** осуществления предикации Р (именно поэтому в конструкции КД вопросительные местоимения не могут быть опущены и КД сопровождается той или иной демонстрацией правильного осуществления Р), а в ОП способ осуществления Р пресуппозитивен, считается уже известным, а слушающему сообщается **субъективная** информация о том, что говорящий считает ход осуществления предикации Р отличным от нормы. Таким образом, можно утверждать, что оценка вписана в саму структуру ОП¹⁸.

Тот факт, что оценка вписана в саму структуру данной конструкции, подтверждается контекстами, в которых используется ОП, содержащие безоценочное *вот* и совершенно нейтральный глагол *смотреть*: пример (43) однозначно трактуется как содержащий отрицательную оценку действий Бунши:

- (43) [Милославский / Леонид Куравлев] [о Бунше] **Вот** <как> **смотрит!** [Бунше] *Вы на мне дыру протрете!* (Леонид Гайдай, Владлен Бахнов, Михаил Булгаков, «Иван Васильевич меняет профессию», к/ф, 1973)¹⁹.

Но если это так, то объект указания в ОП строго синхронен акту указания, поскольку оценка (не в пределах модальной рамки, а как центральная зона толкования) может возникнуть только одновременно с вызывающим ее объектом. Тем самым, вне зависимости от того, каким вариантом *вот* пользуется говорящий для введения ОП, объекту указания для *вот* приписывается синхронность акту указания.

Как следствие, ОП не может быть введено не только сочетанием *так во/о*, *ах во/о*, *да во/о*, как это было в случае КД, но и сочетанием *так вот*, *ах вот*, *да вот*:

- (40б) ***Так вот/во/о** *какая харя.* ***Ах вот/во/о** *какая харя.* ***Да вот/во/о** *какая харя.*

- (41а) ***Так вот/во/о** *какие мы хорошие / добрые!* ***Ах вот/во/о** *какие мы хорошие / добрые!* ***Да вот/во/о** *какие мы хорошие / добрые!*

Или точнее: использование ввода *так/ах/да вот* приводит к автоматической смене интонационного контура этого высказывания, к восстановлению эллиптированного вопросительного местоимения, то есть, очевидно, к автоматическому переходу данной структуры из ОП в КД, элиминации оценки и выдвиганию на первый план информационной составляющей.

1.3. Промежуточные итоги

Сказанное выше можно подытожить в следующей таблице:

Таблица 1

Компонент ситуации указания	Параметр	<i>вот</i>	<i>во/о</i>
Объект указания	Внеположенность	0	+
	Реальность	0	+
	Предметность	0	+
	Синхронность	0	+

Из таблицы можно видеть, что варианты *во/о* являются маркированными, т.е. по всем названным параметрам они имеют положительное значение признака, в то время как *вот* представляет собой своего рода универсальный дейксис, который благодаря нулевому значению перечисленных признаков может свободно употребляться во всех подходящих контекстах, не имея для этого внутренних ограничений. Не случайно поэто-

му *вот* является одним из самых частотных, если не самым частотным словом в непринужденной русской речи.

Что касается вариантов *во/о*, то это дейксисы, которые можно называть, используя термин Т.М. Николаевой, непосредственными²⁰: они указывают на внешний по отношению к фразе объект, реально воплощенный, наглядный (материальный) и синхронный акту указания.

Немаркированность частицы *вот* приводит к явлению, которое уже отмечалось исследователями: при изолированном употреблении *вот* эта частица неизбежно включает в себя анафорический элемент, т.е. требует некоего антецедента: «Само по себе «Вот» даже в сопровождении указательных жестов и при наличии легко воспринимаемых органами чувств явлений в том месте и в то время, когда и где находятся адресант и адресат, не в состоянии выделить эти явления: для выделения необходима опора на некоторое когнитивное образование (антецедент) и в конечном счете на определенный речевой акт в прошлом» (Гольдин 1998: 42)²¹. В цитированной работе автор объясняет это явление тем, что анафора включена в инвариантное значение частицы *вот*. С нашей точки зрения, в таком включении нет необходимости. По-видимому, анафоричность изолированного *вот* объясняется тем, что это не первичный дейксис, а свернутое высказывание, где эллиптируются все предупомянутые элементы. Например, КД, которые не включены в ситуацию предупомянутости, не могут быть эллиптированы до *вот* (см., в частности, примеры (18), (19), (20)), не может быть эллиптировано высказывание с *вот* в конструкции с двойным указанием не в ситуации предупомянутости (см. примеры (12), (13), (14), (16) в противоположность (12а), который может быть свернут до одиночного *вот*), никогда не сворачиваются до изолированного *вот* ОП, для которых предупомянутость вообще невозможна. Невозможность эллипсиса этих конструкций объясняется «пустотой» и немаркированностью *вот* как дейксиса — *вот* нуждается в контексте / конситуации, иначе не может осуществить свои дейктические функции. Но поскольку одиночное *вот* — это свернутое высказывание и результат указания на предупомянутый объект, то его анафоричность совершенно естественна.

1.4. Расхождения, связанные с аудиторией указания

В случае, если бы характеристика *вот* и *во/о* исчерпывалась вышеизложенным, указательные элементы *во/о* можно было бы считать чистыми вариантами *вот* (до сих пор не было описано ни одного типа контекстов, в которых были бы возможны *во/о* и не была бы возможна частица *вот*).

Однако, если включить в рассмотрение не только характеристики объекта указания, но и характеристику аудитории указания, а если точнее — характеристику роли аудитории указания в акте указания, то, как

кажется, станет довольно очевидно, что варианты *во/о* следует считать как минимум лексикализованными вариантами *вот*, а может быть, и отдельными лексемами.

1.4.1. Разговор с самим собой. Материал показывает, что в тех случаях, когда говорящий обращается к самому себе в отсутствие слушателей, он употребляет варианты *во/о*, но не *вот*:

- (45) [Нина / Ирина Муравьева] [сама с собой, у двери лифта] *Лифт не работает... Лифт не работает...* [спотыкается, роняет сумки] *Ой / Господи... боже мой... О / не повалешь и не съешь...* (Татьяна Лиознова, Анна Родионова, «Карнавал», к/ф, 1981).
- (46) [Дедушка Гуревича] [один в комнате] [звонит будильник] **О!** [кричит в соседнюю комнату] *Веня! Вставай, Веня!* (Наум Бирман, Владимир Кунин, «Хроника пикирующего бомбардировщика», к/ф, 1967).
- (47) [Урри / Николай Караченцов] [видит во дворе школы Сыроежкина, говорит сам себе] **О / один есть** (Константин Бромберг, Александр Полынников, «Приключения Электроника», к/ф, 1979).
- (48) [Игорь Брагин / Олег Янковский] [про себя] *Я есть рабочий, его величество. Я не один, нас много! Мы требуемся! В нас нуждаются! Нас не хватает, нас попроси — мы отдадим, нас позови — мы пойдем! ... Во наворотил. Даже голова закружилась* (Сергей Микаэлян, Александр Васинский, «Влюблен по собственному желанию», к/ф, 1982).

Таких контекстов не очень много, но все они демонстрируют выбор в пользу вариантов *во/о*. Обнаружился только один контекст, где в аналогичной ситуации употреблено *вот*:

- (49) [Иван Грозный один в лифте, не может открыть дверь, крестится, дверь лифта открывается] [Иван Грозный / Юрий Яковлев] **Вот что крест животворящий делает!** (Леонид Гайдай, Владлен Бахнов, Михаил Булгаков, «Иван Васильевич меняет профессию», к/ф, 1973),

но в этом случае герой Юрия Яковлева разговаривает не сам с собой, а обращается к зрителям, за пределы кадра²².

Впрочем, запрета на употребление *вот* в такого рода ситуациях нет: в примерах (45)-(48) *во/о* могут быть заменены на *вот*, и высказывания останутся осмысленными, хотя и слегка изменят значение.

1.4.2. Введение нового объекта. Гораздо более жесткие требования к выбору варианта предъявляет ситуация появления в поле зрения гово-

рящего некоторого нового объекта указания, например, когда говорящий входит в некоторое помещение, где находятся те или иные лица, или, напротив, некоторое лицо появляется в поле зрения говорящего. В этом случае возможно употребление только *во/о* (с преобладанием *о*), но не *вот* (употребление *вот* либо создает неприемлемое высказывание, либо кардинально меняет значение исходного высказывания):

- (50) [входит Антон] [Антон / Григорий Плужник] [видит Бухвостова и Карасика] **Во!** Хе-хе (Семен Тимошенко, «Вратарь», к/ф, 1936). vs. [входит Антон] [Антон] [видит Бухвостова и Карасика] ***Вот!** Хе-хе.
- (51) [Ильин / Станислав Любшин] [входит в комнату] **Во / привет!** (Никита Михалков, Александр Адабашьян, «Пять вечеров», к/ф, 1979). vs. [Ильин] [входит в комнату] ***Вот / привет!**
- (52) [входит Борис] [Мужской голос] **О / герой!** (Александр Зархи, Михаил Папова, «Высота», к/ф, 1957). vs. [входит Борис] [Мужской голос] **Вот / герой!**
- (53) [Мишка / Яков Степанов] [девушкам с простынями, проходящим мимо] **О! Идите сюда! Пришли? Молодцы!** (Юрий Мамин, Владимир Вардунас, «Праздник Нептуна», к/ф, 1987). vs. [Мишка] [девушкам с простынями, проходящим мимо] **Вот! Идите сюда! Пришли? Молодцы!**
- (54) [Катя / Людмила Самохвалова] [выходит из машины] **О / здравствуйте!** [Митрофанов / Виктор Михайлов] *Здрассти* (Юрий Мамин, Владимир Вардунас, «Фонтан», к/ф, 1988). vs. [Катя] [выходит из машины] ***Вот / здравствуйте!** [Митрофанов] *Здрассти.*
- (55) [Ильин / С. Любшин] *Слушай / друг / а ты не знаешь / вот такая песня / «Не для меня...»... Не помнишь? Ща узнаем* [подходит к соседнему столику] **О! Я прошу прощения... / я вижу вы интеллигентные люди** (Никита Михалков, Александр Адабашьян, «Пять вечеров», к/ф, 1979). vs. [Ильин] *Ща узнаем.* [подходит к соседнему столику] ***Вот! Я прошу прощения... я вижу вы интеллигентные люди.**

- (56) [Профессор / Алексей Загорский] ...*в самолет я сел и сразу привык* [входит Тучков] **О** / *товарищ Тучков!* [Майор Тучков / Е. Агеев] *Здравствуйтесь, профессор* (Эдуард Пенцлин, Федор Кнорре, «Истребители», к/ф, 1939). vs. [входит Тучков] [Профессор] ***Вот** / *товарищ Тучков!* [Майор Тучков] *Здравствуйтесь, профессор.*

Та же закономерность наблюдается при неожиданной фиксации в поле зрения говорящего некоторого неодушевленного объекта: замена *во/о* на *вот* в этом случае меняет значение всего высказывания — объект, введенный с помощью *вот*, как предполагается, наличествует в поле зрения говорящего до осуществления акта указания, а с помощью *вот* говорящий обращает на него внимание аудитории; при введении этого же объекта с помощью *во/о* предполагается, напротив, что объект появляется в поле зрения говорящего впервые и говорящий фиксирует для себя его появление, пока не принимая во внимание аудиторию:

- (57) [Иван Гаврилович / Н. Траньков] [смотрит телевизор, видит свой дом] **О** / *это наш дом* (Юрий Мамин, Владимир Вардунас, «Фонтан», к/ф, 1988). vs. [Иван Гаврилович] [смотрит телевизор, видит свой дом] **Вот** / *это наш дом.*
- (58) [Ипполит / Юрий Яковлев] [под душем] *А мне и в шапке хорошо. ...* (о воде) **О** / *тепленькая пошла!* (Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский, «Ирония судьбы, или с легким паром», к/ф, 1975). vs. [Ипполит] [под душем] *А мне и в шапке хорошо...* [о воде] **Вот** / *тепленькая пошла!*
- (59) [Медведь / Александр Абдулов] [принцессе] *Вы / наверное / устали с дороги? Проголодались?* (видит кувшин с молоком) **О** / *молоко. ... Пейте* (Марк Захаров, Евгений Шварц, «Обыкновенное чудо», к/ф, 1978) vs. [Медведь] [принцессе] *Вы / наверное / устали с дороги? Проголодались?* **Вот** / *молоко. ...Пейте.*
- (60) [Фрося / Е. Савинова] [открывает кран] **Во! Вода!** (Евгений Ташков, «Приходите завтра», к/ф, 1963). vs. [Фрося] [открывает кран] **Вот! Вода!**

1.4.3. Участие аудитории в акте указания. Думается, что приведенные в разд. 1.4.1-1.4.2 примеры позволяют говорить о разной структуре аудитории в акте указания для прототипического варианта *вот* и для вариантов *во/о*. В целом эту разницу можно проиллюстрировать следующей таблицей:

Аудитория	<i>во</i>	<i>во</i>	<i>о</i>
Включает слушающего	+	+	–
Включает говорящего	–	+	+

Иными словами, предварительно можно предположить, что аудитория *во* в обязательном порядке включает слушающего и не включает говорящего, т.е. указание осуществляется исключительно в интересах слушающего (объект указания в случае *во* уже находится в поле внимания говорящего, и говорящий не нуждается в его актуализации). В случае использования варианта *во* говорящий актуализирует объект указания для себя, но также и для слушающего. Что касается варианта *о*, то для него в принципе несущественно наличие слушающего, указание осуществляется исключительно в интересах говорящего.

Априори представляется, что констатация отсутствия аудитории указания в акте указания разрушает акт указания *per se* — для того, чтобы указание имело место, обязательно должен наличествовать некоторый воспринимающий субъект, для которого указание и осуществляется. Однако если проанализировать структуру акта указания, то придется констатировать, что он сам распадается на более простые составляющие — прежде чем на что-то указать другому, говорящий должен вычленив объект указания из окружающей действительности *для себя самого*. Следовательно, возможно предположить наличие в языке некоторой единицы, которая предназначена именно для этой составляющей акта указания — для фиксации некоторого объекта в окружающем мире, который затем может послужить объектом указания. Именно в этом качестве, как представляется, и выступает вариант *о*.

Если наши предположения о степени вовлеченности аудитории в акт указания с помощью вариантов *во/во/о* верны, то при реальном контактном расположении этих вариантов в тексте должны встретиться только последовательности с возрастанием участия аудитории, т.е. $o_{(\min)} \rightarrow во \rightarrow во_{(\max)}$. Материал показывает, что эти ожидания вполне оправдываются. Довольно естественно, что избыточный комплекс *о+во+во* не встретился ни разу, но зато достаточно документированы комплексы *о+во*, *о+во*, *во+во*. Важно то, что на нашем материале ни разу не зафиксирован случай, когда порядок следования этих элементов при их контактном расположении был бы другим:

- (61) [Соловейчик / Семен Стругачев] *Что случилось / Кузьмичев? Что с тобой?* [видит лежащего Кузьмича с дверью на ногах] *Ой / господи! Давай! Подымай / подымай давай! ... Так / держать! ¹О / ^{II}во* так! (Александр Рогожкин, «Операция “С Новым годом”», к/ф, 1996).

- (62) [Алена / Галина Польских] [Коле] *Ну и правильно говорит.* [видит Володю] ¹**О!** ^{II}**Вот и он.** *Писатель! Вы что / нас не узнаете?* [Володя / Алексей Локтев] *Узнаю* (Георгий Данелия, Геннадий Шпаликов, «Я шагаю по Москве», к/ф, 1963).
- (63) ¹**О** / ^{II}**вот что** / *ты знаешь / кстати* (Беседа с массажисткой, 2006.03).
- (64) [Оля / М. Каленская] *Мам / слушай! А она его помнит?...* [Наталья / М. Неелова]... *Это очень кстати ты напомнила. ...* ¹**О!** ^{II}**От**²³ *эти фотографии расставь так, с понтом...* (Дмитрий Астрахан, Олег Данилов, «Ты у меня одна», к/ф, 1993).
- (65) [Баба Шура / Н. Тенякова] *...ну вставай! ... ну давай!* [Люда / Я. Лисовская] *Вставай, вставай!* [Баба Шура / Н. Тенякова] *Давай.* ¹**О!** ^{II}**Вот.** *Ноги давай, ноги.* [Люда / Я. Лисовская] *Ага, ага.* ¹**О!** ¹**О!** ^{II}**От!** (Владимир Меньшов, Владимир Гуркин, «Любовь и голуби», к/ф, 1984).
- (66) [Комендант / Б. Чердынцев] *Ну / что я говорил / товарищ полковник / а? Везут!* [видит корову в бомболоке] ¹**О!** ^{II}**Во!** [Милиционер] [видит корову] *Да-а! Жить захочешь / не так раскорячишься* (Александр Рогожкин, «Особенности национальной охоты в осенний период», к/ф, 1995).
- (67) [Дворецкий Патрик / Владимир Белоусов] *Садитесь за стол. Пусть они застанут его в момент творческих раздумий. В правой руке перо / в левой голова. Так. Где у нас голова?* ¹**Во** / ^{II}**вот голова.** *Голова на месте* (Марк Захаров, Григорий Горин, «Дом, который построил Свифт», к/ф, 1983).
- (68) [Начальник станции / Михаил Светин] *Ой / господи! Ой / книга / книга... Куда же я ее девал / книгу-то? ...* ¹**Во** / ^{II}**вот она / вот ваша книга / возьмите!** (Михаил Казаков, Александр Хмелик, «Безымянная звезда», к/ф, 1978).
- (69) [Афанасий убегает, юноши из бригады гонятся за ним] [Юноша из бригады1] ¹**Во** / ^{II}**вот он!** (Ролан Быков, «Семь нянек», к/ф, 1962).

Именно такой порядок указаний представляется со смысловой точки зрения совершенно оправданным: сначала говорящий просто фиксирует наличие некоторого объекта указания (с помощью варианта *о*), затем привлекает к нему внимание аудитории (*во, вот*); говорящий также может

зафиксировать некоторый объект с помощью указания для самого себя (с помощью варианта *во*, этап чистой фиксации с помощью варианта *о* при этом пропускается), а затем уже привлечь к нему внимание посторонней аудитории с помощью *во*.

Отметим, что в примерах с последовательность *во+во* замена *во* на *во* совершенно естественна и практически не ведет к изменению общего смысла фразы:

(67а) *Где у нас голова? ^IВот / ^{II}во* голова. Голова на месте.

(68а) *Куда же я ее девал / книгу-то?... ^IВот / ^{II}во* она / *во* ваша книга!

(69а) ^IВот / ^{II}во он!

Напротив, замена *о* на *во* в последовательностях *о+во* или *о+во* ведет к кардинальному изменению смысла указания — появляется некая действительная тавтология, которая вовсе не предусмотрена исходным высказыванием:

(62а) **Вот! Вот и он. Писатель! Вы что / нас не узнаете?*

(66а) *Везут!* [показывает на корову в бомболюке] **Вот! Во!* [Милиционер] [видит корову] *Да-а! Жить захочешь / не так раскорячишься.*

Эти факты позволяют утверждать, что *во* и *о* занимают контрастные позиции в отношении структуры аудитории, а *во* — компромиссную и включает в состав своей аудитории не только говорящего, но и слушающего.

2. Соотношение *во* и варианта *от*

2.1. На имеющемся в нашем распоряжении материале не удалось обнаружить никаких семантических и прагматических различий между вариантами *во* и *от*. Во всяком случае, ни одно из ограничений, которые актуальны для вариантов *во* и *о*, не срабатывает в отношении варианта *от*. В частности, *от* может свободно употребляться в конструкции двойного указания (70) и как актуализатор эмфазы (71), (72), (73), т.е. в безударной позиции:

(70) [Шулейкин / Евгений Леонов] *...а потом она сидела у клеток и рыдала. И у всей команды / даже у тигров / на глазах были от такие слезы* (Владимир Фетин, Виктор Конецкий, Алексей Каплер, «Полосатый рейс», к/ф, 1961).

- (71) [Потемкин / Борис Ливанов] [Мордовцеву] *А от тебе / ваше сиятельство / прянички нельзя. Ты у нас болен* (Михаил Ромм, «Адмирал Ушаков», к/ф, 1953).
- (72) [Профессор / А.Хохлов] *Как же это могло случиться?* [Евдокия Ивановна / Е.Музиль] *Ну вышел из комнаты! От встал и вышел* (Михаил Ромм, Таисия Златогорова, Алексей Каплер, «Ленин в 1918 году», к/ф, 1939).
- (73) [Ленин / Борис Щукин] *Константин Петрович ляжет на стульях здесь. Или... прямо на полу.* [стелет себе на полу] [Василий / Николай Охлопков] *Да нет. Дайте так от сделаем.* [стелет на полу матрас] (Михаил Ромм, Алексей Каплер, «Ленин в Октябре», к/ф, 1937).

Возможно употребление *от* в свернутом двойном указании (т.е. в позиции под фразовым ударением):

- (74) [Старик со шрамом / Иван Рыжов] *Дальше идти нельзя. Тут самое узкое место топи. От / до железной дороги рукой подать* (Айварс Лейманис, «Армия Трясогузки снова в бою», к/ф, 1968).

С другой стороны, пример (75) показывает, что *от* употребляется в конструкции ОП, а (76) демонстрирует возможность употребления *от* в катафорическом КД (открывающий метатекст), т.е. в ударной позиции:

- (75) [Соловейчик / Семен Стругачев] *От сволочь / а! Сволочь! От сволочь / а!* (Александр Рогожкин, «Особенности национальной охоты в осенний период», к/ф, 1995).
- (76) *Я вон тоже когда-то ходил в принцах / но от... дожди... дожди вымочили / ветры выветрили* (Вячеслав Криштофович, «Одинокая женщина желает познакомиться», к/ф, 1986)²⁴.

2.2. При отсутствии смысловых различий между *вот* и *от* между ними наблюдаются различия стилистического (в широком смысле) плана.

Во-первых, *от* часто вступает в контекстах, имеющих диалектные черты. Так, в ситуациях, когда актеры имитируют южнорусский диалект, *вот* практически регулярно заменяется на *от*:

- (77) [Бондаренко] *«Три сестры» Чехова. От здорово грают! Обрелся* (Леонид Трауберг, Михаил Вольпин, Николай Эрдман «Актриса», к/ф, 1943).

- (78) [Галя / Татьяна Микринова] **От** пристал. Он ведь так за тобой и беуает. ...Знаешь / как вас прозвали? вауон и маленькая тележка (Татьяна Лиознова, Анна Родионова, «Карнавал», к/ф, 1981) (имитируется говор южнорусского города, что подтверждается независимыми диалектными признаками, прежде всего — фрикативным заднеязычным звонким).
- (79) [Дед Кузьма / Владимир Дорофеев] *Та вси говорят. А раз вси говорят / значит / знают.* [Ворон / Сергей Лукьянов] **От** интересно! *Вси знают / один я не знаю* (Иван Пырьев, Николай Погодин. «Кубанские казаки», к/ф, 1949).
- (80) [Опанас / Г. Осипенко] *Ты уж не говори ему / что я с тебя гроши требовал за бочку пива.* [достаёт деньги] **От** / я принес их (Анатолий Граник, Иван Стаднюк, «Максим Перепелица», к/ф, 1955).

Это же касается случаев, когда актеру нужно симитировать «народную речь», вне зависимости от диалектного правдоподобия (см. пример (65)).

Во-вторых, *от* — в значительной степени «уходящая натура»: этот вариант частицы *вот* существенно чаще употребляется в старых фильмах. Так, если провести условную границу между фильмами по 1961 году (группа А — фильмы, снятые до начала 1960-х гг., группа Б — снятые с начала 1960-х и по сей день), то заметим, что в группе А вариант *от* употребляется существенно чаще, чем в группе Б²⁵. Так, в группе А на 100 000 слов *от* встретилось 11 раз, а в группе Б — почти *в два раза реже* — 6,6 раз. Для сравнения, ситуация с вариантом *во* по этим двум группам практически идентична: на 100 000 слов в группе А встретилось 19 случаев *во*, а в группе Б — 21 случай²⁶. Таким образом, очевидно, что параметр времени для варианта *во* несуществен, а для варианта *от*, по-видимому, является определяющим.

2.3. И наконец, есть один контекст, в котором *вот* не может быть заменено на *от*. Но здесь также не приходится говорить о семантических запретах — ограничение носит фонетический характер.

В статье мы сознательно не обращались к конструкции повтора, в которой очень часто употребляются варианты *вот*, — прежде всего потому, что повторы в устной речи имеют самые разные функции, и, как следствие, нет особенного смысла рассматривать отдельно повтор частицы *вот*, без учета общих закономерностей построения итеративных конструкций, что может послужить материалом отдельного исследования.

Заметим, однако, что, согласно нашему материалу, варианты *вот* и *во* могут участвовать в повторе:

- (81) [Свердлов / Леонид Любашевский] *И напрасно деликатничаем с эсерами.* [Ленин / Борис Щукин] **Вот-вот-вот** (Михаил Ромм, Таисия Златогорова, Алексей Каплер, «Ленин в 1918 году», к/ф, 1939).
- (82) [Бывалов / Игорь Ильинский] *Ну погоди у меня! Вернись только обратно!* [Старый Лоцман / В. Володин] **Во-во** / *нашли умника... по... по... пойду я к вам! Во-во!* (Григорий Александров, Михаил Вольпин, Николай Эрдман, «Волга-Волга», к/ф, 1938).
- (83) [Надя / Валентина Талызина / Барбара Брыльска] *За Павла? За того / с кем вы пошли в баню?* [Женя / Андрей Мягков] **Во-во-во...** (Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский, «Ирония судьбы, или с легким паром», к/ф, 1975).

Что касается вариантов *о* и *от*, то их участие в повторе затруднительно и ни разу не зафиксировано на нашем материале²⁷. Объяснение заключается в том, что в начале этих двух вариантов имеет место твердый приступ, который реализуется только после паузы. В случае, если варианты *от* и *о* используются несколько раз подряд без паузы, твердый приступ исчезает, что разрушает целостность лексических единиц *от* и *о*: в результате такого повтора мы должны были бы получить единицы типа [оооо...] или [отототот], которые не идентифицировались бы участниками речевого акта как повторения частиц *о* и *от*. Понятно, что для вариантов *во* и *вот* такого ограничения не существует по фонетическим причинам.

3. Заключение

Таким образом, возвращаясь к началу статьи, можно утверждать, что варианты *во/во/о/от* соотносятся между собой следующим образом. Частица *от* должна рассматриваться как региональный и устаревающий вариант прототипической частицы *вот*. *Вот* и *о* — это лексикализованные варианты прототипической частицы *вот*.

Таково, по-видимому, положение дел в современной русской речи, если смотреть на нее со строго синхронической точки зрения. Если же позволить себе некоторые диахронические соображения, то сразу возникают сомнения, а является ли вариант *о* этимологически производным от варианта *вот*. Если обратиться к словарю М. Фасмера, то мы увидим там неожиданное утверждение о том, что *вот* происходит от междометия (sic!) *о*, связанного чередованием с указательной частицей (sic!) *е*. Экстраполяция современного положения дел на далекое прошлое заставляет усомниться как в возможности образования указательной частицы из междометия, так и в чередовании междометия и указательной частицы: логичнее предположить, что частица *вот* произошла от части-

цы *о* (присоединением местоименного *to(d)*) — что, кстати, дает нам устаревавшее *от* — и наращением протетического *в-*). Возможно предположить, что частица *о* старше частицы *вот*, и, может быть, является ее этимологом, однако ввиду своего совпадения с междометием *о* и полного отсутствия в письменной речи, на протяжении всей истории русского языка оставалась (и остается до сих пор) неотрефлексированной лингвистами. Это предположение смелое, не будучи этимологом, настаивать на нем невозможно, утверждаем лишь, что такое развитие событий теоретически возможно. Но в этом случае *о* следует рассматривать не как вариант частицы *вот*, а как самостоятельную лексему, в современном русском языке втянутую в орбиту частицы *вот* и ее вариантов и вступившую с ними в глубокие синонимические отношения.

Примечания

¹ Заметим при этом, что для возникновения варианта *ща* (как и для возникновения варианта *шаз*^б) существование варианта *щас*, отдельного от *сейчас*, уже должно в той или иной степени осознаваться носителями языка.

² От первоначального намерения включить в рассмотрение вариант *вѳт* (с долгой гласной) в процессе работы пришлось отказаться: нет смысла рассматривать изолированное *вѳт*, поскольку удлинение гласной (как и употребление геминат) имеет сходные черты у самых разных слов и классов слов. Таким образом, *вѳт* было выведено из рассмотрения, как и варианты с повтором частицы (см. разд. 2.3), которые бессмысленно рассматривать на материале отдельной лексической единицы.

³ В качестве материала были использованы данные подкорпуса устной речи Национального корпуса русского языка, в значительной степени — данные подкорпуса «Речь кино»: кинотранскрипты готовились сотрудниками Корпуса самостоятельно, и в инструкцию для расшифровщиков фильмов было включено требование последовательно различать разные варианты реализации частицы *вот* (в остальных устных текстах варианты отмечены выборочно, в зависимости от источника поступления текстов, а иногда не отмечены вовсе). Кроме того, по сравнению с остальными типами устных текстов, кинотранскрипты предоставляют гораздо больше ситуаций, подходящих для использования некоторых вариантов частицы *вот*, что связано с особенностями семантики этих вариантов. Описание касается исключительно синхронии (о некоторых предположениях, касающихся диахронических аспектов, см. Заключение).

⁴ В статье принята следующая система обозначений при примерах:

	Зафиксирован в Корпусе	Не зафиксирован в Корпусе
Не противоречит интуиции	Нулевая нотация	?
Противоречит интуиции	!	*

⁵ Здесь нужно сказать о том, что использование *вот* в этой функции отмечалось исследователями давно. Кроме словаря под редакцией Д.Н.Ушакова об акцентирующей функции *вот* говорилось в работах (Шведова 1960: 116), (Иванова 1970: 5), (Вязовик 1981: 4), (Николаева 1985 / 2004: 118), (Ли 1994: 9). Представляется, однако, что во всех упомянутых исследованиях несколько неточно были расставлены акценты — предполагалось, что именно частица *вот* вносит эмфазу в такого рода

контексты. Это, с нашей точки зрения, неверно — эмфаза здесь независима от *вот*, а *вот* лишь является ее материальным воплощением, словесной реализацией, «дополнительным к интонации средством логического выделения слова» (Киселев 1966: 7).

⁶ Единственный пример такого рода, зафиксированный на данный момент в Корпусе:

- (3) ¹[Феликс / Сергей Мазаев] *Да нет / мы тебя не кидаем / Володя. Я для тебя делаю всё / что могу. Мне самому тебя застрелить хочется после всего / что ты сделал / а я бегаю / выясняю что-то. Молоко'м во тебя пою* [Артур / Гоша Куценко] *Считай / грудным* (Константин Мурзенко, «Апрель», к/ф, 2001).

Обратим, однако, внимание, что в этой цитате единственная фонетическая характеристика, отличающая *вот* от *во*, — это наличие или отсутствие геминаты *тт* в сочетании *вот тебя* или *во тебя*. Вполне может быть, что эта гемината в данном случае есть, но просто ослаблена до предела.

⁷ Ср. также (Иванова 1970: 6): «В сочетании с указательным местоимением и местоименными наречиями <частица *вот*> имеет значение уточнительной частицы».

⁸ Заметим, что при указательных местоимениях возможны конструкции, сочетающие *вот* — лексикализацию эмфазы и *вот* — внутритекстовое указание. Именно это сочетание двух *вот* создает характерную для русской непринужденной речи конструкцию *вот + дейксис + вот*:

- (8) *А вот э'то вот агентство* (Алла Сурикова, Эмиль Брагинский, «Московские каникулы», к/ф, 1995).
 (9) *Вот та'к вот я* («Беседа о кино и книгах», Материалы Саратовского университета, 1975).
 (10) *Вот таки'е вот вещи* («Воспоминания о прошлом бывших работников “Трехгорки”, Москва», см. Китайгородская & Розанова: 1999).
 (11) *Потому что DVD вот э'тот вот* (Разговор двух подруг, 2005.11).

⁹ Пример из работы (Кодзасов 1996: 109): — *Вот ваша постель. А халат возьмете в шкафу.*

¹⁰ Пример из работы (Кодзасов 1996: 109): — *'Вот ваша книга. Никуда она не пропала.*

¹¹ Единственное исключение, зафиксированное пока на нашем материале:

- (15) [Соловейчик / Семен Стругачев] *Пьете / да? И пьете / и пьете / и пьете / и пьете / и пьете. Всё пропили. Думаете что? Кончилась Россия / да?* [показывает кукиш] *Во-о! Во-о! Во тебе! Бойтесь чего-то / да? Спасение в ней ищете? Что в ней нашли?* [пьет] *Злой яд* (Александр Рогожкин, «Особенности национальной охоты в осенний период», к/ф, 1995).

Отметим, что в этом контексте *во* сопровождает условный (неизобразительный) жест (кукиш). О жестах в сочетании с вариантами частицы *вот* нужно говорить особо, не в рамках этой статьи, общее замечание, однако, касается следующего: с условными жестами (например, кукиш или поднятый кверху палец), употребление варианта *вот* воспринимается как неестественное. Что касается изобразительных жестов, имеющих информационную составляющую (например, похлопывание себя по шее в значении «вот где у меня сидит», проведение ребром ладони у горла в значении «до зарезу нужно» и др.), то с ними вариант *вот* сочетается более естественно, хотя чаще встречается все-таки вариант *во*.

¹² Обязательность элементов *вот + вопросительное местоимение* в КД даже заставило некоторых исследователей утверждать, что в русском языке сформировались

вторичные указательные частицы такой структуры (*во* + вопросительное слово), т.е. что сочетания типа *во+что*, *во+где* должны рассматриваться как одно слово с *во* в качестве агглютинативного префикса (Вязовик 1981: 5). Это предположение кажется сомнительным, поскольку в КД *во* и вопросительный элемент жестко распределяются между ремой (*во*) и темой (вопросительное слово + предикация Р) предложения. Соответственно, при свертывании этих конструкций в результате эллипсиса в конечном счете остается одна частица *во* (в качестве ремы), а тема полностью элиминируется.

¹³ Понятие метатекста (открывающего и завершающего, см. ниже) мы использовали в работе (Гришина 2007) для описания стандартных вставок, которые имеют место при переходе от исходного текста (драмы или сценария) к снятому по нему фильму. Однако исследователи и раньше отмечали такие достаточно регулярные вкрапления в устный текст, см. «<<*во* как> указание на содержание предыдущей и последующей мысли» (Киселев 1966: 6); «сочетания *так во* и *ну во* ... сигнализируют о начале наиболее важной части повествования или о его конце» (Иванова 1970: 13), «сочетание *во что* является своеобразным сигналом начала или конца сообщения» (Там же: 14).

¹⁴ Вариант *О как!* сейчас функционирует в значительной степени как цитата из популярного сериала «Улицы разбитых фонарей» (эта фраза часто употреблялась героем А.Нилова капитаном Лариным), хотя, конечно, имела широкое хождение в непринужденной речи и до появления этого сериала.

¹⁵ Отдельного обсуждения требует возможность соединения указаний с вводом *во/о* со скрепой *ну*. С одной стороны, эта скрепа вписывается в общую схему поведения межфразовых скреп: ее соединение с *во* возможно, с *во/о* — противоречит языковой интуиции:

(29) *Ну во / а ты / дурочка / боялась!* (Владимир Меньшов, Виталий Москаленко, Андрей Самсонов, «Ширли-мырли», к/ф, 1995) vs. **Ну во/о / а ты / дурочка / боялась!* (завершающий метатекст).

С другой стороны, в корпусе на данный момент уже зафиксированы два примера использования конструкции *ну во* (при этом — ни одной конструкции *ну о*):

(30) [Лида / Наталья Тенякова] [Кириллу] *Проходи. ?Ну во! Ну! Ты послушай.* [читает] *В чем счастье нашей жизни? Счастье в труде* (Георгий Натансон, Александр Володин, «Старшая сестра», к/ф, 1966).

(31) [Вася/Михаил Филиппов] [Кате] *Мамань! Ты чего / прикидываешься / или в самом деле придуревшая?* [Катя встает и уходит] [Люська / Наталья Гундарева] *Во!* [Вася / Михаил Филиппов] *Ты куда / мать?* [Люська / Наталья Гундарева] *?Ну во!* (Эльдар Рязанов, Генриетта Альтман, «Небеса обетованные», к/ф, 1991).

Вероятно, это связано с особым положением *ну* среди прочих межфразовых скреп, характерных для русской устной речи, но здесь нет возможности это обсуждать.

¹⁶ Безусловно, эти конструкции различаются интонационно. Однако одной интонации, как представляется, для различения конструкций недостаточно. Мы полностью солидаризируемся с позицией, высказанной в (Апресян 1990: 95), согласно которой «ни одна ИК никогда не является единственным носителем данного значения в данном тексте. Она всегда действует совместно с другими средствами языка». Следовательно, и для различения КД и ОП следует искать дополнительные возможности.

¹⁷ На возможность такой замены было указано в работе (Иванова 1970: 9).

¹⁸ Аналогичным образом оценка вписана во многие синтаксические структуры, в частности, в уже упомянутые выше перифразы ОП с помощью вводов *ну* (*и*) и *что за*.

Об оценочности второй конструкции см. (Подлеская 2007), а оценочность первой вытекает из толкования, предложенного для *ну* в работе (Шмелев 2005) — *ну* употребляется в ситуации вынужденного говорения: в ОП, введенных с помощью *ну*, говорящий показывает, что он и желал бы промолчать, но отклонение от нормы данной ситуации настолько велико, что он вынужден об этом говорить.

¹⁹ Кроме того, ОП не допускают использование в качестве предикатов единиц, которые принципиально не могут быть оценены, например, личных местоимений и местоименных глаголов (что также свидетельствует об имманентности оценки самой конструкции ОП):

(44) **Вот/во/о он!* (но *Вот/во/о человек!*) **Вот/во/о делает!* (но *Вот/во/о танцует!*).

²⁰ «Непосредственное введение ситуации как таковой в коммуникативную среду, без текстовых переключек и конситуационных аллюзий» (Николаева 1985 / 2004: 60).

²¹ Ср. (Николаева 1985 / 2004): «В *вот* присутствует не только дейктический, но и анафорико-катафорический элемент».

²² Это прием весьма характерен для данного фильма — в частности, Милославский в исполнении Л.Куравлева при произнесении реплики (43) обращается к зрителям (чем, вероятно, и объясняется выбор в этом контексте *вот*, а не более частотного и естественного в контексте ОП *во/о*), а в предыдущей мизансцене тот же Милославский обращается к зрителям с призывом хранить деньги в сберегательной кассе.

²³ Отметим, что в этом и следующем примерах вариант *от* представляет вариант *вот* (см. об этом ниже).

²⁴ Именно эта свобода употреблений *от*, полностью соответствующая свободе употребления *вот*, приводит исследователей к практически противоположным утверждениям о варианте *от*: в работе (Кодзасов 1996: 110) утверждается, что только безударное *вот* (в терминологии С.В.Кодзасова — *вот* с редуцированной гласной) может терять начальную согласную; в работе же (Шведова 1960/2003: 117) утверждается что *вот* в конструкциях, которые в нашей статье называются ОП, может звучать как *от* — надо ли говорить, что *вот* в ОП всегда ударно. Вообще, из всех рассматриваемых в данной статье вариантов, как кажется, только варианту *от* повезло быть упомянутому в работах по русистике — остальные варианты выпали из внимания исследователей. Этому есть несколько причин, и не последняя из них та, что для русского языка делимитация между тем, что признается литературным, и тем, что оценивается как просторечное, очень жестка. Это, безусловно, приводит к некоторой психологической слепоте (только этим можно объяснить отсутствие словарного описания варианта *о*; последнее, по-видимому, просто затерялось среди примеров с междометием *о*). Например, в работе (Киселев 1966), сопоставившей употребление частицы *вот* в русском, белорусском и украинском языках, для белорусского признается, среди многих прочих, существование варианта *во*, а для украинского — варианта *от*. Надо ли говорить, что для русского языка существование таких единиц отрицается, на основании чего делается вывод о том, что «состав белорусских и украинских указательных частиц лексически многообразнее, чем в русском языке» (Киселев 1966: 5).

²⁵ При рассмотрении не учитывались фильмы, в которых сильны диалектные и квазидиалектные черты.

²⁶ Объем проанализированного корпуса достаточно велик — чуть более 2 млн словоупотреблений.

²⁷ Естественно, имеются в виду повторы без паузы между повторяемыми элементами. Повторы типа *От! От!* или *О! О!* встречается достаточное количество.

Литература

- Апресян, Ю.Д.: 1990, 'Типы лексикографической информации об означающем лексемы', *Типология и грамматика*, Москва, 91-108.
- Вязовик, Т.П.: 1981, *Конструкции с местоимениями, включающими частицу «вот», в современном русском языке*, АКД, Ленинград.
- Гольдин, В.Е.: 1998, 'Заметки о частице «вот»', *Лики языка*, Москва, 40-47.
- Гришина, Е.А.: 2007, 'О маркерах разговорной речи (предварительное исследование подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка, www.ruscorgo.ru)', *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая - 3 июня 2007 г.)*, Москва, 147-156.
- Иванова, Т.К.: 1970, *Функции частиц вот и только в современном русском языке*, АКД, Благовещенск.
- Киселев, И.А.: 1966, *Указательные частицы в русском и белорусском языках*, АКД, Минск.
- Китайгородская, М.В. & Розанова, Н.Н.: 1999, *Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект*, Москва.
- Кодзасов, С.В.: 1996, 'Семантико-фонетическое расщепление русских частиц и просодическая информация в словаре', *Словарь. Грамматика. Текст*, Москва, 97-111.
- Ли, Яо: 1994, *Функции частиц в современной русской устной научной речи*, АКД, Москва.
- Николаева, Т.М.: 1985 / 2004, *Функции частиц в высказывании*, Москва (первое издание 1985).
- Подлеская, В.И.: 2007, 'Многозначность конструкции «что плюс за плюс именная группа» в свете данных Национального корпуса русского языка: что же это за конструкция?!', *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая - 3 июня 2007 г.)*, Москва, 460-469.
- Ушаков, Д.Н. (ред.): 1935, *Толковый словарь русского языка*, Т. 1, Москва.
- РРР: 1973, *Русская разговорная речь*, Москва.
- Шведова, Н.Ю.: 1960 / 2003, *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*, Москва (первое издание — 1960).
- Шмелев, А.Д.: 2005, '«Заполнители пауз» как коммуникативные маркеры', *Язык. Личность. Текст*. Москва.